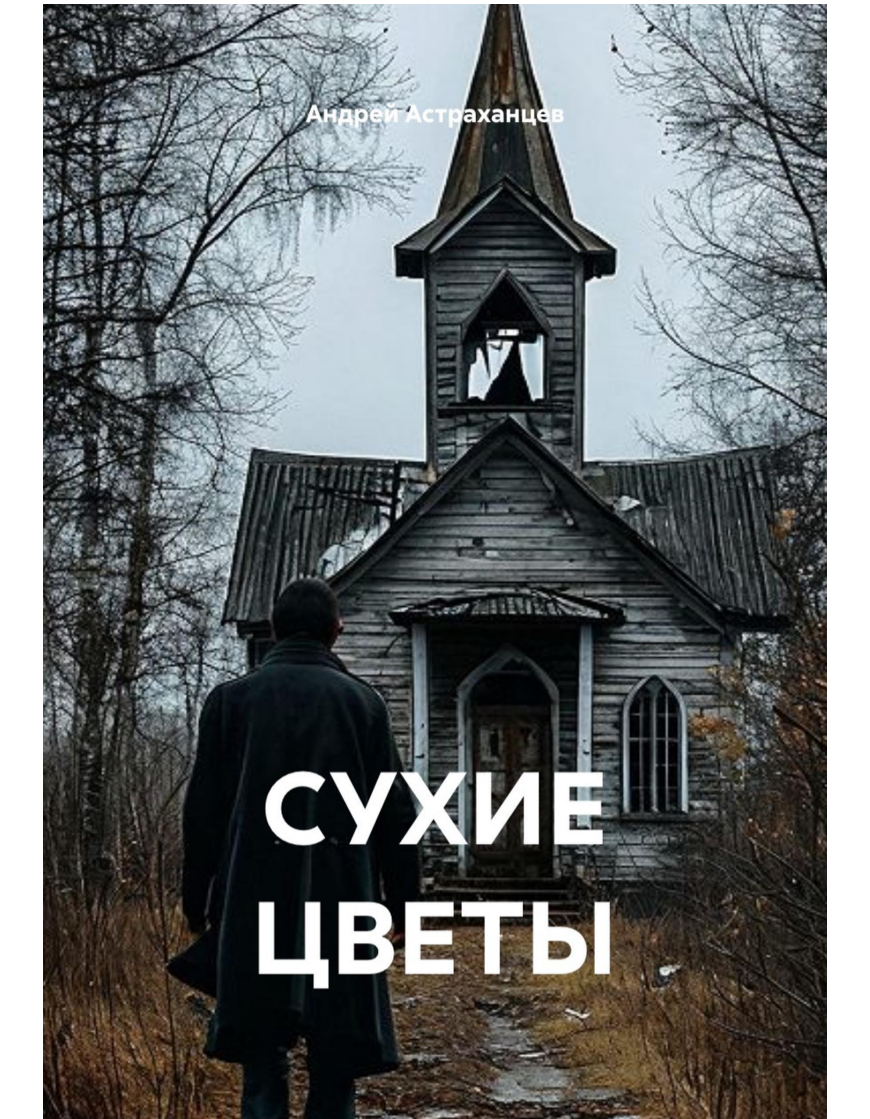

A man in a dark coat stands with his back to the camera, looking at a dilapidated wooden church in a forest. The church has a tall, dark steeple and a small bell tower. The roof is made of corrugated metal and appears to be in poor condition. The church is surrounded by bare trees and dry grass, suggesting a cold, possibly autumn or winter setting. The overall mood is somber and contemplative.

Андрей Астраханцев

СУХИЕ ЦВЕТЫ

Андрей Астраханцев

СУХИЕ ЦВЕТЫ

<https://litres.ru/74295463>

SelfPub; 2026

Аннотация

Следователь Артём Волков приезжает в затерянный посёлок Черноречье расследовать исчезновение четырёх человек. Ни тел, ни следов, ни свидетелей. Единственная улика — серые конверты с засушенными чёрными цветами, которые каждый из пропавших находил под дверью за несколько дней до того, как исчезнуть навсегда.

Местные молчат. Участковый смотрит в пол. А на шестую ночь такой же конверт появляется у двери самого Волкова. На обороте одно слово: «Шестой».

Расследование приводит его к заброшенной церкви посреди болота, к книге, в которой двести восемьдесят три года записывают имена, и к страшной правде: посёлок заключил сделку, которую нельзя расторгнуть. И кто-то должен платить. Всегда.

Но «шестой» — не приговор. Это должность. И вакансия открыта.

Содержание

Черноречье	4
Дом Григорьева	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Андрей Астраханцев

СУХИЕ ЦВЕТЫ

Черноречье

Глава 1. ЧЕРНОРЕЧЬЕ

Дорога кончилась внезапно — как обрывается предложение на полуслове.

Артём Волков заглушил двигатель и несколько секунд сидел неподвижно, глядя в лобовое стекло. За ним начинался посёлок. Тридцать, может, сорок домов, растянутых вдоль одной улицы, которая упиралась в серую стену леса. Ни вывески, ни указателя. Только покосившийся столб с жестяной табличкой, на которой кто-то когда-то вывел: ЧЕРНОРЕЧЬЕ. Буквы выцвели, и слово читалось с трудом, будто его пытались стереть.

Было начало октября. Небо висело низко, плоское, цвета мокрого асфальта. Из труб поднимался дым — тонкий, неуверенный, будто дома здесь топили не для тепла, а по привычке. По привычке вообще всё здесь, кажется, ещё существовало.

Волков вышел из машины. Воздух пах торфом и чем-то сладковатым, прелым, как перезревшие яблоки, оставленные гнить в траве. Тишина была такая плотная, что звенело

в ушах. Ни собак, ни птиц. Только далёкий скрип — где-то качалась калитка на ветру, которого он не чувствовал.

Он достал из багажника сумку, папку с делом и огляделся.

Участковый пункт находился в здании бывшей почты — приземистом, с облупившейся краской и табличкой, на которой слово «ПОЧТА» было закрашено, а сверху криво приклеено: «УЧАСТКОВЫЙ». Волков толкнул дверь.

Внутри пахло пылью и крепким чаем. За столом сидел мужчина лет пятидесяти, грузный, с красными прожилками на щеках. Он не поднял головы, когда Волков вошёл. Только сказал, продолжая разглядывать что-то в блокноте:

— Вы из области.

— Волков. Следственный комитет.

— Знаю. Садитесь. Чай будете?

Волков не сел. Положил папку на стол.

— Четверо за месяц. Григорьев, Санина, мальчик Костины, и последняя — Лидия Тарасова. Все исчезли ночью. Ни следов борьбы, ни тел, ни записок. Я правильно понимаю?

Участковый — его звали Николай Петрович Дёмин — наконец поднял глаза. В них не было ни удивления, ни страха. Что-то другое. Усталость, подумал Волков. Нет. Не усталость. Смирение.

— Правильно понимаете, — сказал Дёмин. — Только я бы на вашем месте не начинал с протоколов.

— А с чего бы вы начали?

Дёмин помолчал. Достал из ящика стола жестяную короб-

ку из-под чая, открыл. Внутри лежали четыре конверта. Одинаковых. Серая бумага, без марки, без обратного адреса.

— Это нашли у них дома. У всех четверых. За два-три дня до того, как они пропали.

Он высыпал содержимое первого конверта на стол.

Сухие цветы. Три стебля. Лепестки тёмные, почти чёрные, скрюченные, как обгоревшие пальцы. Волков не сразу понял, что это за растение. Потом понял. И что-то шевельнулось в животе — не страх, но предчувствие страха.

— Волчий аконит, — сказал он тихо.

— Да, — кивнул Дёмин. — Здесь его называют мёртвый колокольчик. В округе не растёт. Нигде. Я проверял.

— Тогда откуда он берётся в конвертах?

Дёмин посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Вот на этот вопрос, Артём Сергеевич, я вам не отвечу. Не потому что не хочу. Потому что не знаю. А те, кто мог бы знать, — он обвёл рукой в сторону окна, в сторону посёлка, — не скажут.

За окном начинало темнеть. Хотя было только три часа дня.

Волков сел. Открыл папку.

— Рассказывайте всё. По порядку.

Дёмин налил себе чаю. Руки у него чуть подрагивали.

— Первым пропал Григорьев. Третьего сентября. Жена утром проснулась — кровать заправлена, ботинки у двери, дверь заперта изнутри. А его нет. Как будто он никогда не

существовал.

Он сделал глоток.

— А на подушке лежал конверт.

Дом Григорьева

Глава 2. ДОМ ГРИГОРЬЕВА

Дёмин дал ему адрес и ключи от гостевой комнаты при участковом пункте — одну комнату с продавленной кроватью, умывальником и окном, выходящим на задний двор, где росла голая берёза, облепленная серыми лишайниками.

— Утром осмотритесь, — сказал Дёмин, запирая чай в ящик. — А сегодня не ходите дальше улицы. Не к болоту. Не к церкви.

— Почему?

— Потому что там нечего делать в темноте.

Волков не стал спрашивать, что именно там нечего делать. Он запомнил. Болото. Церковь. Значит, они существуют. Значит, Дёмин о них думает.

Он оставил сумку в комнате и вышел.

Дом Григорьевых стоял через четыре участка от почты. Деревянный, крепкий, с резными наличниками, которые кто-то недавно подкрасил синей краской — нелепо яркой на фоне серого неба и серых заборов. Калитка была не заперта.

Волков постучал. Дверь открыла женщина лет сорока, в тёмном платке, наброшенном на плечи, хотя в доме было тепло. Лицо у неё было сухое, выдержанное, как у человека, который плакал долго, а потом перестал и больше не собирался.

— Вы из города, — сказала она. Не вопрос. Утверждение.

— Волков. Следственный комитет. Я по поводу вашего мужа.

Она смотрела на него несколько секунд. Потом отступила в сторону.

— Заходите. Только не ждите, что я скажу что-то новое. Я уже всё сказала Дёмину. А Дёмин записал. И ничего не сделал.

В доме пахло воском и чем-то травяным. В красном углу горела лампадка. На столе лежала раскрытая Библия, и Волков заметил, что одна страница загнута, а на полях карандашом выведено одно слово. Он не успел разобрать какое.

Женщина — Марина Григорьева — села на табурет у окна. Руки сложила на коленях.

— Спрашивайте.

— Конверт. Когда он появился?

— Второго сентября. Утром. Под дверью. Я первая увидела. Серый такой, мятый. Без марки. Я ещё подумала — кто в наше время письма пишет. А потом открыла.

Она замолчала. Посмотрела в окно. За стеклом темнело.

— Цветы, — продолжила она. — Три стебля. Сухие. Чёрные. И запах. Не гнили. Нет. Скорее... ладана. Старого. Церковного. Как будто из склепа.

— Ваш муж как отреагировал?

Марина усмехнулась. Криво, без радости.

— Побледнел. Сильно побледнел. Я никогда его таким не

видела. Он взял эти цветы, завернул в газету и унёс в сарай. Сказал: «Не трогай. И никому не говори». А наутро его не стало.

Волков записал. Потом спросил:

— Он не объяснил, почему нельзя говорить?

— Нет.

— А до конверта? За неделю, за две? Что-то менялось? Он был встревожен?

Марина молчала долго. Так долго, что Волков уже собирался повторить вопрос. Потом она сказала:

— Он ходил к болоту.

— Когда?

— Три раза. За неделю до того. Ночью. Я просыпалась, а его нет. Утром приходил. Грязный по колени. Ботинки в торфе. Я спрашивала — молчит. А на третий раз сказал... — Она проглотила ком. — Сказал: «Они снова считают. И я следующий».

Волков перестал писать.

— Кто «они»?

— Не сказал. Больше не говорил ничего. А потом пропал.

Тишина легла на комнату, как одеяло. Лампадка в углу мигнула. Марина вдруг подняла глаза, и в них было что-то новое. Не горе. Страх.

— Уезжайте, — сказала она тихо. — Пока можете. Здесь не расследуют. Здесь терпят.

— Кого терпят?

Она не ответила. Встала. Показала на дверь.

— Идите. Уже темнеет. А мне надо молиться.

Волков вышел. За спиной щёлкнул замок. И почти сразу — он ещё не дошёл до калитки — зазвучал голос. Тихий, монотонный. Молитва. Или то, что звучало как молитва. Слова были знакомые. Но ритм был неправильный. Слишком быстрый. Как будто Марина боялась не успеть.

На улице было темно. По-настоящему темно. Не городской темнотой, где всегда есть фонарь, окно, отблеск. Здесь темнота была полной, густой, и в ней посёлок казался меньше, чем днём. Дома сжались. Окна светились тускло, из-за занавесок, и Волков ловил на себе взгляды. Его рассматривали. Молча. Из каждого окна.

Он шёл быстро. Ботинки чавкали по размокшей глине. И тут он услышал.

Звук. Далёкий. Низкий.

Колокол.

Один удар. Гулкий, протяжный, как стон из-под земли. Потом тишина. Потом второй.

Волков остановился. Обернулся. Улица была пуста. Но звук шёл откуда-то из-за домов. Слева. Оттуда, где, по словам Дёмина, начиналось болото.

Третий удар. И тишина.

Он посмотрел на часы. Восемь вечера.

Не к болоту. Не к церкви.

Волков развернулся и пошёл к участковому пункту. Не

оглядываясь. Но спиной чувствовал, как из темноты за ним следят. Не из окон. Из самой темноты. Из промежутков между домами. Из-за заборов.

Кто-то считал его шаги.

В комнате он не стал зажигать свет. Сел на кровать в темноте и слушал, как посёлок затихает. Как скрипят половицы в соседних домах. Как где-то далеко, за лесом, гудит ветер, хотя здесь, внизу, воздух стоял мёртвый.

Он открыл папку. Четыре имени. Четыре конверта. Четыре исчезновения. Ни одного тела. Ни одного свидетеля. И женщина, которая говорит: «Они снова считают».

Волков достал телефон. Одна палочка сети. Он набрал номер областного управления. Долгие гудки. Потом:

— Абонент вне зоны действия сети.

Он попробовал ещё раз. То же самое. Положил телефон на тумбочку.

И тогда увидел.

Под дверью. В щели между полом и дерматином. Что-то просунули. Бумагу. Серую. Мятую.

Волков не дышал. Смотрел на конверт. Он лежал на полу. Не было его секунду назад. Не было. Он точно знал.

Он не подошёл. Не сразу. Сидел и смотрел. А потом услышал за дверью звук. Тихий. Мягкий.

Как будто кто-то провёл пальцем по дереву. Сверху вниз. Медленно.

И ушёл.

Шагов не было. Ни скрипа половиц. Ни дыхания. Только тишина. И запах. Тот самый. Ладан. Старый. Церковный. Из-под двери.

Волков встал. Взял конверт. Открыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.